

Евгений СУХОВ

СМЕРЬ

Перебежчик

МОСКВА

СМЕРШ

СМЕРШ в БОЮ

Подвиги сталинских «волкодавов»

Евгений СУХОВ

СМЕРЬ

Перебежчик

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С91

Сухов, Евгений.

С91 Перебежчик / Евгений Сухов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (СМЕРШ в бою. Подвиги сталинских «волкодавов»).

ISBN 978-5-04-215031-9

1943 год. Оперуполномоченный СМЕРШ младший лейтенант Егор Ивашов командирован в Сумы. Здесь он узнает, что после отступления немцев один из них, ефрейтор Ральф Херманн, остался в городе и хочет сотрудничать с советской контрразведкой. После проверки оперативники дают Херманну задание вернуться в штаб своего корпуса, сделать копии секретных документов и передать их через связного. Немец соглашается. Но накануне заброски совершает поступок, после которого чекистам становится ясно, что перед ними не раскаявшийся ефрейтор, а хорошо подготовленный хитрый и опасный враг.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-215031-9

© Сухов Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1
ЛЮБОВЬ
НЕЧАЯННО НАГРЯНЕТ

Младший лейтенант Ивашов возвращался в свой полк из дивизионного отдела контрразведки СМЕРШ и был вполне доволен собой. Тот факт, что он изобличил и поймал немецкого шпиона, окопавшегося в штабе части, полностью оправдывал его назначение полковым оперуполномоченным контрразведки СМЕРШ. Но одно дело, когда ты сам осознаешь, что служишь на своем месте, и совсем другое, если точно так же считает и начальство. Представление к ордену Красного Знамени, о котором ему объявил майор Стрельцов, стало лишним тому свидетельством.

По дороге в расположение полка Егора нагнал странный гремящий караван, состоящий из подвод, нагруженных тазами, корытами, котлами, большущими бочками с дырками на дне и пузатыми самоварами на несколько ведер воды. Замыкали его две скрипучие телеги, на которых разместились дюжина веселых

молодых девчат. Верховодила ими крупная плотная тетка с погонами старшего сержанта медицинской службы. Она громко, не особенно выбирая выражения, покрикивала на своих подчиненных в юбках и в особенности на солдат. Эти герои, ясен пень, пытались подсесть к девчатам и завести с ними недвусмысленный разговор.

Один из них озвучил совершенно невинное желание встретиться вечером где-нибудь в густом ивняке за расположением полка.

— И что мы с вами будем там делать? — поинтересовалась особа, что была побойчее, целомудренно потупляя взор.

«Эх, наивность!» — Солдатик хитро улыбнулся и ответил:

— Как это «что»? Разговаривать, так сказать, о мирной, счастливой жизни!

— И это все? — Девчонка надула губки, сделала обиженное лицо. — Фу, если одни разговоры, так это совсем не интересно.

— А мы кое-что и поинтересней можем придумать, — уже на полном серьезе проговорил солдат, ловя взор барышни.

Тетка-командирша на сей раз смолчала, но испепелила обе стороны суровым взором, и диалог мигом сошел на нет. Перечить своей начальнице девушки не решались, а солдатам

ослушиваться старшего по званию было запрещено армейским уставом. Война — дело суровое, тут и до штрафной роты можно запросто докатиться.

Скоро по всему полку разнеслась благостная новость. В расположение части прибыл полевой прачечный отряд, состоящий из вольнонаемных девушек. Обязанностью такого военно-медицинского формирования была стирка белья и обмундирования солдат, а также паровая прожарка вещей от вшей и прочих вредных паразитов.

Если это событие и не было праздником для солдата, таким, как, к примеру, баня, то оно уж точно являлось неординарным и весьма полезным. Появление гражданских девушек в расположении полка всегда было большой радостью. Их задорный смех заставлял бойцов хотя бы ненадолго забывать о войне, напоминал о мирной жизни, о женах и любимых девушках, которые с нетерпением дожидались возвращения с войны своих мужчин.

У широкого гремучего ручья с запрудой для личного состава прачечного отряда была поставлена большая палатка. Добровольцы из солдат мигом сколотили возле нее столы для корыт, устроили кострища для прожарочных камер-бочек и котлов. А уж благодетелей, же-

лающих наносить воды и наколоть дров, было хоть отбавляй. Соскучились мужики и парни в военной форме по мирным работам. Ну и по девчатам, конечно, тоже.

Поглазеть на это самое прачечное воинство пришли едва ли не все солдаты, свободные от нарядов и караулов. Тайком покинули лазарет и приковыляли даже те страдальцы, которые не могли ходить без приятельского плеча. Подтянулись и полковые офицеры. Некоторые молоденькие прачки были очень даже ничего.

Ажиотаж, вызванный прибытием полевого прачечного отряда, не на шутку обеспокоил полковых командиров. Уже через пару часов по прибытии прачечного воинства начальник штаба майор Степанов выдал специальный приказ по полку, строго расписывающий дни и часы прачечного обслуживания батальонов, рот, взводов, батарей и прочих полковых подразделений. Ежели патрули теперь заставали какого-либо не в меру шустрого солдатака возле прачечной рати во внеурочный для его подразделения час, то этот боец получал взыскание, подчас весьма строгое. Так что число красноармейцев, слоняющихся без дела возле палатки и пруда, значительно поуменьшилось.

Не остался в стороне от значимого полкового события и младший лейтенант Ивашов. По-

обедав, он двинул к ручью с запрудой, оправдывая такое решение тем, что по своим служебным обязанностям должен быть в курсе всего, что происходит в части. И даже немного за ее пределами.

Девушки уже всю были заняты стиркой и дезинсекцией обмундирования. Они дисциплинированно стояли рядом за столами, сколоченными добровольными помощниками, и стирали в корытах белье. Возле них лежали кучами солдатские гимнастерки, рубахи и подштанники. Некоторые тряпки были отмечены пулями, кровью, а то и результатами той самой медвежьей болезни, которая охватывает человека от страха. Причин для этого на фронте бывает более чем достаточно.

«Та еще работенка, — подумалось Егору. — Несладко девчатам приходится. Всю войну с корытом и грязным солдатским бельем, нередко окровавленным, часто завшивленным. Наверное, и норма у них по стирке имеется, причем немалая. Они ведь сами вызвались фронту помогать. Я бы этим девчатам ордена за их работу давал».

Младший лейтенант подошел ближе.

Возле одной из раскаленных прожарочных бочек, зовущихся в обиходе вошебойками, ловко орудовала со стираным бельем хрупкая де-

вушка в темно-синей юбке и солдатской рубашке, рукава которой были засучены выше локтей. Она подвешивала белье на крюки и помещала его в бочку, всякий раз рискуя обжечься.

Под вошебойкой в чане булькала кипящая вода, уже испускающая горячий пар. Жар проникал в бочку через нижние отверстия. Высокая температура обеззараживала белье, уничтожала вшей, чесоточных клещей и прочую заразу. После чего пар выходил из бочки через верхние отверстия. Именно так дезинфицировалось солдатское белье еще в империалистическую войну. А что, старый способ — он самый верный.

Запустив очередную партию белья в вошебойку и закрыв крышку, девушка выпрямилась, смахнула со лба густые русые волосы и увидела Ивашова.

— Может, вам постирать чего, товарищ младший лейтенант? — спросила она озорно и весело, немного странно взглядываясь в лицо Егора.

— Нет, спасибо, — смущенно ответил Ивашов.

— Да вы не тушуйтесь, Егор Фомич, — заявила девушка и усмехнулась. — Мы тут ко всему привыкшие.

То обстоятельство, что девушка назвала его по имени-отчеству, заставило Егора вздрогнуть.

Как ни всматривался в нее Ивашов, но вспомнить так и не сумел.

— Вы не узнали меня, товарищ младший лейтенант, — без малейшего намека на вопросительную интонацию и с едва различимой обидой в голосе произнесла она. — Неужели я за два года так сильно изменилась?

Егор Ивашов удивленно сморгнул и молча уставился на девушку. Он тщетно силился вспомнить, в каком месте и когда они могли познакомиться. В памяти вдруг воскресло нечто далекое, очень туманное, не способное собраться в единое целое. Девушка была пригожая, обычно такие запоминаются. А тут вот угораздило забыть!

Младший лейтенант испытывал большую неловкость, уже жалел о том, что завернул на прачечную площадку. Других забот ему, что ли, мало!

— Ну же. — Девушка улыбнулась. — Июнь сорок первого года, Коломыя, улица Андрея Чайковского, вход в городской парк. Играла музыка, пел Утесов. Неужели не помните?

И Егор вспомнил.

Курсантов Коломыйской окружной школы младшего начальствующего состава в субботу, двадцать первого июня, отпустили в го-

род. Тогда они еще не знали, что это была их последняя увольнительная.

Егор Ивашов и его приятель Роман Бойко сходили в кино, поели мороженого и напоследок решили пройтись по городскому парку. У входа в него с улицы Андрея Чайковского им повстречались две молоденькие, очень хорошенькие девушки.

К немалому и очень приятному удивлению парней, они говорили между собой по-русски. Для Коломыи это была огромная редкость. Оно и неудивительно. Ведь город вошел в состав Советского Союза совсем недавно, меньше двух лет назад, осенью тридцать девятого. До этого он был польским, а населяли его в основном украинцы, причем такие, которых едва понимали жители Полтавы. Эта загадка разрешилась чуть позже.

Прыткий Бойко тут же начал знакомиться, рассказывать красавицам байки про курсантскую жизнь, всячески старался рассмешить их, чтобы снискать расположение. Обычно это ему удавалось.

Получилось и на этот раз. Девчонки разговаривались. Оказывается, родители этих подружек чуть больше года назад были переведены в Коломыю из Смоленска и работали на железной дороге.

Егор был не столь смел с девушками. Он неожиданно для себя почему-то представился по имени-отчеству и больше помалкивал, поглядывая на часы. До окончания увольнения оставался всего-то час. А Бойко уже договаривался с девушкой по имени Зоя встретиться в следующую субботу здесь же, у входа в городской парк.

Вторая девушка, которую звали Рита, выглядела посерьезнее. Во всяком случае, смеяться в ответ на шутки Бойко она была не расположена. Честно признаться, они были не очень остроумными. Роман явно придумывал их по ходу разговора.

Рита все время посматривала на Егора, словно чего-то ожидала от него. Однако Ивашов был малоразговорчив. Он перекинулся с Ритой всего парой ничего не значащих фраз.

Еще через пятнадцать минут они разошлись. Ивашову и Бойко надлежало вернуться в школу к ужину.

Конечно, Егор с Романом не знали, что девушки после их ухода еще долго обсуждали эту нечаянную встречу.

Зоя заявила, что если они увидятся в следующую субботу и Роман пригласит ее куда-нибудь в уединенное место, то она отказываться не станет.

— Соглашусь я, конечно, не сразу, — сообщила она Рите, влажно поблескивая глазами. — Пусть он не думает, что я девушка доступная. Парни, конечно, любят, когда их ублажают, но на таких не женятся, — уверенно констатировала Зоя. — Поломаюсь для приличия, но немного, — продолжила девчонка строить планы на следующую субботу. — Иначе он может потерять ко мне интерес и найти другую. Вон их сколько бродит. — Зоя мазнула взглядом по девушкам, выходящим из парка. — А потом соглашусь! И сделаю так, чтобы он хотел со мной встречаться еще и еще.

— Как? — спросила Рита и посмотрела на подругу.

— Да очень просто, — с усмешкой ответила Зоя. — Для начала я дам ему себя обнять и поцеловать. Пока в щечку. Парню, конечно, захочется чего-то еще, но я в первое свидание больше ничего не позволю. Однако надежду дам. Чтобы он там, в своей сержантской школе, всю неделю думал обо мне и мечтал о новой встрече. Когда мы увидимся в следующий раз, то, может, поцелуемся в губы. Один раз, не больше. На новом свидании я разрешу ему потрогать мою грудь, дам понять, что не против, если последует продолжение. Но не сегодня. Уверена, он больше ни о чем другом и ду-

мать не сможет, как о новой встрече со мной. И ни на какую другую девушку уже не посмотрит. А что это значит? — спросила Зоя и лукаво посмотрела на подругу.

— Что? — Рита подняла брови.

— А это значит то, что он мой! — заявила Зоя и засмеялась. — Весь! Со всеми своими мыслями. — Она слегка прищурилась и добавила: — И мужскими достоинствами. Ну а твой-то тебе понравился? — спросила подругу Зоя, переводя разговор на Егора.

— Да, — просто ответила Рита.

— Ну так действуй, подруга!

Может, Рита и последовала бы совету приятельницы, умудренной опытом. Егор очень ей понравился, и она отдала бы многое, чтобы еще раз увидеться с ним. Но так уж вышло, что на следующий день началась война. Курсантов окружной школы младшего начсостава разбудили в пятом часу утра взрывы авиабомб и звон выбитых стекол.

А потом был шестисоткилометровый пеший марш до Киева. Вернее, за Днепр, до Броваров. Шли по сорок, а то и пятьдесят километров в день, не ведая, когда выйдут к своим. Курсантам казалось, что линия фронта двигалась на восток быстрее, нежели шагали они. И было уже не до девушек и любви. Парни все

время хотели есть, а еще больше — спать. Они мечтали о том, чтобы все это поскорее закончилось. Как и где — уже не столь важно.

До своих курсанты школы младшего начальствующего состава все же дошли. Но им и потом было совсем не до свиданий.

— Рита, я вас вспомнил! — едва ли не воскликнул младший лейтенант Ивашов, весьма обрадованный этим обстоятельством.

Его неловкость сразу улетучилась. Егор Ивашов почувствовал себя куда более свободно, как будто бы встретил человека, с которым был давно и очень хорошо знаком.

— Простите, что не сразу вас узнал. Но с тех пор столько всего случилось. И не расскажешь!

— Это верно. — Девушка помрачнела. — Началась война.

— Значит, вы теперь в полевом прачечном отряде, — произнес Ивашов, оглядывая хозяйство.

— Ну, не то чтобы только теперь. — Рита продолжала хмуриться, наверное, вспомнила что-то неприятное для себя. — Если быть точнее, то с весны сорок второго года, — безо всякой интонации добавила она. — В январе я узнала, что моих родителей расстреляли немцы. Они не успели эвакуироваться из Коломыи. А я

вот, как видите, успела. Эвакуировалась вместе с нашим техникумом. И как узнала о смерти родителей, так сразу отправилась в военкомат, хотела пойти на фронт медсестрой, а меня вот сюда определили. Записали в прачечный отряд. Объяснили, что это тоже фронт, что помогать можно и здесь. Ведь кто-то же должен стирать солдатам обмундирование. С тех пор я тут.

— Радзинская! — Голос плотного старшего сержанта медицинской службы с выдающейся грудью был под стать ее фактуре. — Пора вошебойку освобождать, не видишь, что ли! Кто за тебя это делать будет, Пушкин Александр Сергеевич? — Старший сержант недовольно зыркнула в сторону Ивашова.

Будь он не в офицерском звании, она непременно вернула бы ему что-нибудь колкое. За такой бабой это явно не заржавеет.

— Все, товарищ младший лейтенант, мне пора. — Рита метнулась к бочке, потом почти бегом вернулась и сказала: — Приходите сегодня вечером к запруде. Часов в девять. Я вас ждать буду.

— В девять. Хорошо... — не очень уверенно ответил Егор.

Его еще никто не приглашал на свидание, да и сам он отважился это сделать всего-то раз в жизни, зимой сорокового года. Поэтому

предложение Риты встретиться сегодня вечером оказалось для него не просто неожиданным. Оно было сродни грому посереде ясного неба.

— Ну вот и договорились, — сказала Рита. — А вам точно ничего не надо постирать?

— Точно, — ответил Егор Ивашов и заставил себя улыбнуться.

— Ну и хорошо.

Вечером, когда Егор подошел к запруде, Рита уже была там.

Девушка заметно обрадовалась его приходу, что немного смутило младшего лейтенанта. Он не знал, как вести себя в таком случае. Опыт в общении с девушками был небольшой, едва ли не нулевой.

Молодые люди пошли по тропинке в сторону перелеска. Маргарита рассказывала о себе, о школе, техникуме, о близких подругах-прачках, с которыми буквально породнилась. Она хотела, чтобы Егор узнал о ней как можно больше, чтобы между ними не осталось каких-либо неясностей, недоговоренностей, чтобы он поскорее увидел, какая она хорошая и добрая, оценил ее качества по достоинству. Ведь этот парень понравился ей еще тогда, вечером двадцать первого июня сорок первого года. Будь

она побойчей, так у них с первой встречи завязалось бы хорошее знакомство. Конечно, им помешала бы война, но они могли бы писать друг другу трогательные и нежные письма. Так делали многие другие люди. Сегодняшняя встреча могла бы стать совсем иной, куда более теплой, что ли, душевной.

Егор же о себе говорил скупой. Да и что такого особенного он мог рассказать, если с самых первых месяцев службы в Красной армии учился задерживать нарушителей границы. Потом, находясь на службе в пограничном полку НКВД, опять-таки ловил диверсантов, дезертиров и бывших полицаев. Да и теперь, когда Егор Ивашов стал оперуполномоченным полковой контрразведки СМЕРШ, род его занятий, собственно, не особо изменился. Так что никакой личной жизни у младшего лейтенанта не было да и быть не могло.

— Трудно, наверное, вам... — Егор быстро поправился, — тебе приходится. Фронт — вот он. Да еще одни мужики кругом.

— Трудно было на первых порах, с непривычки. Руки-ноги гудят, спину ломит. Как только выдается передышка, валишься на вохрох белья и засыпаешь. Обстираем одно подразделение, сразу получаем приказ выдвигаться в расположение следующей части. — Рита